

Был в Биробиджане театр...

Бер (Борис) Котлерман, Неве-Цуф, Самария

Антисемитская кампания последних лет жизни Сталина дает обильный материал для изучения механизма принятия решений в СССР в этот период. Начавшись убийством Михоэлса в ночь на 13 января 1948 г. и закончившись расстрелом деятелей идишитской культуры 12 августа 1952 г. и незавершенным «делом врачей», эта кампания привела к ликвидации почти всех еврейских учреждений в стране. Единственным «детисцем» еврейского национально-культурного строительства в СССР, пережившим этот погром, оказалась Еврейская автономная область (ЕАО), хотя ее национальное развитие было заморожено, а карта идеологического противовеса Израилю так и не была разыграна, несмотря на резкое ухудшение отношения Кремля к молодому еврейскому государству.

Несмотря на то, что 25-26 июля 1949 г. в ее административном центре Биробиджане прошла «ликвидаторская» партконференция, осудившая все прежнее еврейское руководство области и положившая начало крупномасштабной кадровой чистке явно антисемитского характера, никакой установки «сверху» по поводу дальнейшей судьбы ЕАО спущено не было, и автономию никто не отменил.

Вопрос о том, почему ЕАО не была ликвидирована в угаре борьбы с национализмом и космополитизмом 1948-1952 гг., все еще остается открытым. Этот вопрос, несомненно, тесно связан с характером и целями антисемитской кампании вообще, которая, возможно, не была доведена до конца в связи со смертью Сталина. Уделялась ли ЕАО некая роль в дальнейших планах по «решению еврейского вопроса» в СССР, и какова могла быть эта роль – это, за отсутствием конкретных документов, пока вопрос литературной антиутопии (например, книги Леонида Гиршовича "Прайс", попавшей в шорт-лист претендентов на Букеровскую премию).

Как бы то ни было, ЕАО продолжила существовать, самым этим фактом внося некий диссонанс в ход антисемитской кампании. Решая судьбу местных еврейских институций, новое руководство области, а также их непосредственное ведомственное начальство пытались ориентироваться на уже существующие прецеденты. Так, вступивший в должность летом 1949 г. новый первый секретарь обкома ВКП(б) ЕАО Павел Симонов, в прошлом инструктор ЦК партии, немедленно направил в центр предложение превратить газету на идиш «Биробиджанер штерн» в еженедельное приложение к русскоязычной «Биробиджанской звезде». Симонов действовал по примеру союзного начальства, закрывшего «Эйникайт» в Москве, однако биробиджанская газета продолжила выходить. В то же время Государственный еврейский театр (БирГОСЕТ) имени все еще входившего в высшее руководство страны Лазаря Кагановича (!) все же был закрыт в ноябре 1949 г. Подобная противоречивость не могла не сбивать с толку чиновников разных уровней, старавшихся правильно уловить царящую «наверху» атмосферу. Приводимые ниже факты о том, как БирГОСЕТ был закрыт, несколько проясняют настроения и образ действий этих чиновников.

4 марта 1948 г. Совет министров СССР постановил сократить государственные дотации советским театрам. В соответствии с последовавшим за этим решением Комитета по делам искусств СССР от 12 марта 1948 г., в число 646 театров, снятых с дотаций, попали все государственные еврейские театры страны, которых к тому времени осталось всего

пять: Московский ГОСЕТ, УкрГОСЕТ в Черновцах, БелГОСЕТ в Минске, БирГОСЕТ в Биробиджане и Одесский ГОСЕТ в Балте. В то же время другие национальные театры продолжили получать поддержку из госбюджета и после выхода постановления, а некоторым театрам, как, например, якутскому, тувинскому, горно-алтайскому и казахскому театрам - дотации даже увеличили [1].

Решение Комитета привело к закрытию многих убыточных театров, и на этом фоне могло показаться рядовым обращение первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии Николая Гусарова к секретарю ЦК ВКП(б) Георгию Маленкову от 11 февраля 1949 г. с предложением закрыть Белорусский ГОСЕТ. Однако аргументация письма Гусарова говорит о другом. По его словам, «театр... ставил своей целью внедрить в сознание еврейского населения мысль, что еврейский театр – не обычное культурное учреждение, а центр особого «еврейского дела». Пропаганда этого особого «еврейского дела» приобретает характер противопоставления его социалистическим интересам трудящихся всех других национальностей СССР». Таким образом, помимо своей убыточности, еврейский театр своим существованием, идеологически и политически, стал противоречить интересам всех других советских народов. Обращение Гусарова, хоть и предназначенное для внутреннего пользования, вводило в оборот неприкрытую антисемитскую фразеологию, что до сих пор обычно избегалось в партийной переписке. С конца 1948 г. в стране шли массовые аресты активистов Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) и всех так или иначе связанных с Комитетом деятелей еврейской культуры, что, видимо, давало Гусарову основания для резких выражений. Насколько чутко он уловил усиление антиеврейских настроений в Кремле, свидетельствуют дальнейшие события.

Менее двух недель спустя, 23 февраля 1949 г. председатель Комитета по делам искусств СССР Поликарп Лебедев порекомендовал зампредседателя Совета Министров СССР Клименту Ворошилову и секретарю ЦК Маленкову ликвидировать убыточный Московский ГОСЕТ. 24 февраля подобная «рекомендация» поступила от Комитета по делам искусств СССР и по поводу Биробиджанского театра.

Здание Биробиджанского ГОСЕТа (архивное фото)

Шаги по ликвидации БирГОСЕТа предпринимались, параллельно всесоюзному, и на республиканском уровне - вразрез со стремлением областной администрации сохранить театр. В частности, в справке от 24 февраля, отправленной в адрес заведующего Сектором искусств отдела агитации и пропаганды ЦК (Агитпроп) Бориса Рюрикова, председатель Управления театров Комитета по делам искусств РСФСР Николай Силантьев утверждал:

Областными организациями не были приняты действенные меры к перестройке работы театра в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 4 марта 1948 г. № 537. Вместо этого областные организации ставят вопрос о выделении Биробиджанскому театру дополнительных ассигнований... Комитет по делам искусств... не считает возможным поддержать ходатайство Обкома Еврейской автономной области о дотации Еврейскому областному драматическому театру.

По мнению начальника Хабаровского краевого отдела по делам искусств тов. Воронина И.С. и краевых организаций, театр следовало ликвидировать, а обслуживание населения Еврейской автономной области проводить выездными спектаклями других театров края.

Судя по всему, союзные функционеры (Лебедев) пытались не дать республиканским (Силантьев) опередить себя, со рвением выполняя новый «социальный» заказ партии. Однако из вышеприведенного документа становится ясным, что в распоряжении Силантьева не было никаких веских аргументов для закрытия БирГОСЕТа (кроме ничем не обоснованного мнения Воронина и неких «краевых организаций»), даже экономических, поскольку остальные театры Хабаровского края были гораздо более убыточными. Например, как выясняется из документов того же РГАСПИ, убытки Хабаровского краевого драмтеатра за 1948 г. составили 984 тысячи рублей, а Хабаровского театра музыкальной комедии – 921 тысячу. Явно не подходил и мотив «особого еврейского дела», использованный в Белоруссии, поскольку таковым был, в сущности, весь проект еврейской автономии. «Наверху» требовались конкретные аргументы. Они «нашлись» в записке заведующего (формально - 1-й заместитель начальника) Управления агитации и пропаганды ЦК (Агитпроп) Дмитрия Шепилова секретарю ЦК Маленкову, поданной 24 марта:

Качество режиссуры и актерской игры в театре неудовлетворительно. В результате низкого качества постановок в январе 1949 г. театром план по доходам выполнен лишь на 24,3%, вместо 45 спектаклей поставлено 25. Комитет по делам искусств при СМ РСФСР (т. Силантьев) не считает возможным поддержать ходатайство о выделении дотации Биробиджанскому драматическому театру. Считал бы правильным согласиться с мнением Комитета... Прошу Ваших указаний.

На записке Шепилова рукой Маленкова 25 марта было выведено: «Согласен». Два дня спустя, 27 марта, в повестку дня исполкома Хабаровского Краевого Совета был включен вопрос о продолжении деятельности Биробиджанского ГОСЕТа. Исполком оперативно принял решение о ликвидации театра. Это решение было явно инициировано Комитетом по делам искусств РСФСР, с которым краевые структуры были в постоянном контакте, однако требовало утверждения на уровне республиканского руководства, т.е. Совмина РСФСР. Между тем, двумя неделями раньше, 12 марта 1949 г., Совет Министров БССР принял решение закрыть Белорусский ГОСЕТ. 30 марта БелГОСЕТ был закрыт, а в мае 1949 г. украинскими властями был ликвидирован Одесский ГОСЕТ, причем часть его актеров была переведена в Украинский ГОСЕТ, базировавшийся в Черновцах. При этом, по свидетельству Моисея Лоева (Украденная муза, Киев, 2004), УкрГОСЕТу были запрещены гастроли не только в Белоруссии и Прибалтике, но и в Киеве, Харькове,

Днепропетровске и даже соседнем Львове. Решение же хабаровских чиновников о закрытии БирГОСЕТа повисло в воздухе: видимо, более зависимые от союзного руководства (в отличие от белорусских и украинских) республиканские власти РСФСР на подобный шаг как в отношении БирГОСЕТа, так и МосГОСЕТа, пока не решались, ожидая сигнала «сверху».

Союзное руководство, а точнее, ЦК партии, с утверждением решения Хабаровского крайисполкома по поводу БирГОСЕТа не торопилось, рассматривая его судьбу в связи с будущим ЕАО вообще. Это многозначительное молчание было расценено как своеобразный ответ: БирГОСЕТ закрыт не будет. В конце мая 1949 г. областные партийные и общественные организации ЕАО в очередной раз направили в правительство совместный запрос о восстановлении дотации театру в размере 800 тысяч рублей, и Комитет по делам искусств РСФСР дал разрешение выдать театру сроком до 1 августа ссуду из областного бюджета в размере 50 тысяч рублей. Это решение явно противоречило официальному запрету на субсидирование театров из местных бюджетов. Оно нелогично аргументировалось - вразрез всем предыдущим шагам Комитета - «крайне тяжелым финансовым положением в Гостеатре».

В конце июня в ЕАО была направлена специальная комиссия ЦК, привезшая подписанное лично Сталиным 25 июня постановление об отстранении первого секретаря обкома Александра Бахмутского и председателя облисполкома Михаила Левитина. Комиссия прибыла в Биробиджан для проверки ситуации, и от результатов её деятельности, видимо, зависела судьба автономии. К ее приезду и была приурочена уже упомянутая областная партконференция, фактически вылившаяся в политический процесс против Бахмутского, Левитина, его предшественника Михаила (Моше) Зильберштейна и других высших чиновников области, в подавляющем большинстве евреев, однако концом ЕАО она не стала. В резолюции конференции (согласно хранящемуся в Госархиве ЕАО стенографическому отчету) говорилось, что вышеназванные функционеры «примиренчески относились к проявлениям буржуазного национализма, в результате чего в газете «Биробиджанер штерн», в альманахе «Биробиджан», областном радиокомитете и других идеологических учреждениях длительное время орудовала группа националистов, пропагандировавшая в области националистические взгляды». Однако «виновных» на тот момент даже не арестовали. Для исправления наделанных ими «ошибок» был направлен новый первый секретарь обкома Симонов, впервые в истории ЕАО нееврей, однако новым председателем облисполкома стал все-таки еврей - Лев Бенькович. Таким образом, санкция на продолжение существования ЕАО была дана.

В том же месяце Комитет по делам искусств РСФСР направил в Биробиджан специального инспектора К. Кузнецову, которая просмотрела в БирГОСЕТе четыре спектакля: на русском языке "На той стороне" Анатолия Барянова и "Московский характер" Анатолия Софронова, на идише – "200 000" Шолом-Алейхема и переведенный "Остров мира" Евгения Петрова. Создается впечатление, что Кузнецова была послана для проверки выдвинутого ранее заявления заведующего Агитпропом Шепилова по поводу «неудовлетворительного качества режиссуры и игры в театре». Её отчет совершенно противоречил позиции Шепилова, снятого, кстати, с должности за считанные дни до инспекции и впавшего в немилость. Сам же факт инспекции говорит об осознания «наверху» проблематичности закрытия еврейского театра в еврейской области. В свете этого неудивительно, что Кузнецова отметила, что «все спектакли поставлены удовлетворительно в идейно-художественном отношении и хорошо оформлены». Видимо, «нелетальный» исход партконференции в Биробиджане был расценен на республиканском уровне как «добро» на дальнейшее существование театра. Это доказывает и следующий факт: непосредственно после инспекции Кузнецовой Совет Министров РСФСР щедро

покрыл накопившиеся убытки театра на сумму 461 тысячи рублей. При этом МосГОСЕТ не получил в 1949 г. никаких дотаций.

Ободренное руководство области в лице председателя облисполкома Беньковича попыталось укрепить позиции театра. 29 июля 1949 г, через три дня после партконференции, состоялось обсуждение дальнейшей деятельности БирГОСЕТа. Поругав для проформы его директора Бориса Герцберга и художественного руководителя Хаима Гельфанда за одну из раскритикованных краевой прессой постановок действовавшей при БирГОСЕТе русской труппы ("Московский характер" Софронова), облисполком постановил «обязать райисполкомы оказывать Гостеатру им. Л.М. Кагановича всемерное содействие в обеспечении помещениями, размещении артистов, выделении транспорта при проведении спектаклей в районах». Вступивший в должность первый секретарь обкома Симонов, до сих пор воспринимавшийся историками однозначно как «погромщик», тоже немедленно поднял вопрос о театре. В августе 1949 г. он направил телеграмму в ЦК, в которой сообщил о тяжелом положении БирГОСЕТа и попросил оказать театру финансовую помощь в размере уже запрошенных его предшественником Бахмутским 800 тысяч рублей. ЦК переадресовал телеграмму Симонова в Комитет по делам искусств РСФСР. Последний, не зная как реагировать на это, внес в Совет Министров РСФСР предложение выдать пока театру 30 тысяч на расчеты с рядом уволенных работников.

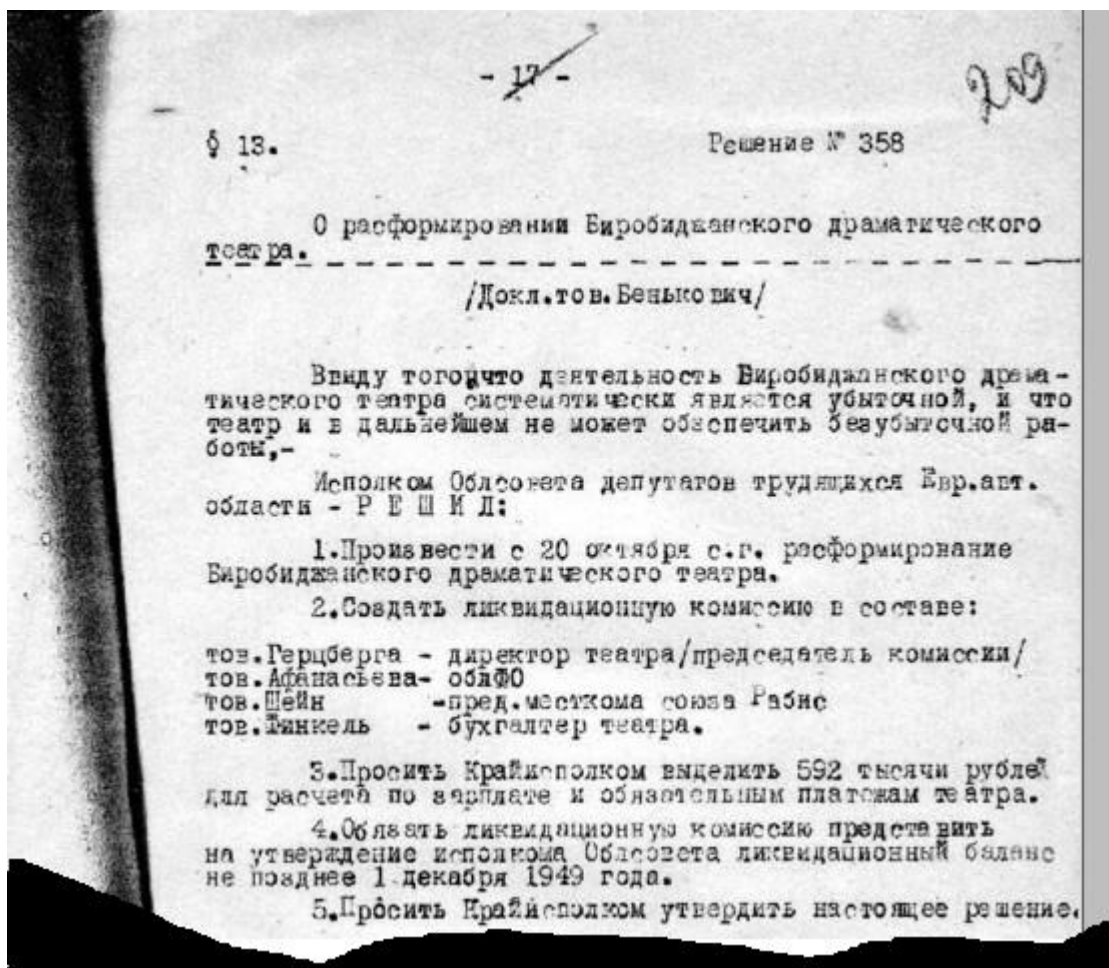
25 августа республиканский Комитет подготовил для Агитпропа ЦК и Всесоюзного комитета по делам искусств новую, вполне нейтральную справку о состоянии БирГОСЕТа. На основании этого 29 августа на имя Маленкова было направлено совместное обращение председателя Всесоюзного комитета по делам искусств Лебедева и заместителя заведующего Агитпропом Владимира Кружкова, поддерживающее просьбу биробиджанского обкома о дотации театру. Лебедев и Кружков писали, что они «считали бы целесообразным разрешить Биробиджанскому Облисполкому израсходовать из местного бюджета 780 тысяч рублей на покрытие убытков областного театра и финансирование театра до конца 1949 г.» и указывали на то, что «Совет Министров РСФСР просьбу Биробиджанского Обкома ВКП(б) также поддерживает». У БирГОСЕТа появился шанс выжить.

Однако полмесяца спустя, 16 сентября 1949 г., Кружков, к тому моменту занявший пост Шепилова, кардинально изменил свое мнение и, отмежевываясь от Лебедева, в докладной записке Маленкову предложил дотаций БирГОСЕТу более не давать, поскольку театр не имеет достаточно зрителей. Прекращение дотаций, разумеется, означало закрытие театра.

Комитет по делам искусств РСФСР провел в июле проверку Биробиджанского театра - театр располагает составом квалифицированных артистов, его репертуар и художественный уровень спектаклей вполне удовлетворителен. Несмотря на это, театр, в связи с ограниченным контингентом зрителей в г. Биробиджане, в течение ряда лет работает с убытком. Дефицит театра не может быть покрыт за счет выездной работы, так как в пределах области количество площадок для показа спектаклей очень ограничено.

Комитет по делам искусств СССР (т. Лебедев) спрашивает на покрытие убытков театра и на его содержание до конца года [780 тысяч рублей] в порядке государственной дотации.

Полагаю, что просьба т. Лебедева противоречит решению Совета Министров СССР от 12 сентября с.г. Выделение дотации Биробиджанскому театру считаю нецелесообразным.

«Послушное» решение облисполкома ЕАО (фото из архива «МЗ»)

Рекомендация Кружкова, судя по всему, и ставшего могильщиком БирГОСЕТа, на сей раз была понята в Биробиджане как не подлежащая дальнейшему обсуждению директива из Москвы. 21 сентября облисполком ЕАО послушно принял решение «произвести с 20 октября с.г. расформирование Биробиджанского драматического театра». Аргументация этого решения, представленная председателем облисполкома Беньковичем, была стандартной – «ввиду того, что деятельность... театра систематически является убыточной и что театр и в дальнейшем не может обеспечить безубыточной работы». Через месяц, 22 октября, Совет Министров РСФСР это решение утвердил, издав распоряжение о ликвидации театра по причине нерентабельности.

Белорусский ГОСЕТ, как сказано выше, был закрыт ещё 30 марта 1949 г. решением Совмина БССР – также, в основном, за «нерентабельностью». С подобной же формулировкой Комитет по делам искусств при Совмине СССР известил о закрытии Московского ГОСЕТа – с 1 декабря 1949 г. Последним был уничтожен еврейский театр на Украине - постановлением Совмина УССР о ликвидации Черновицкого еврейского театра им. Шолом-Алейхема с 15 февраля 1950 г. Закрытие всех ГОСЕТов было проведено без письменного указания ЦК ВКП (б).

Руководство БирГОСЕТа было извещено о решении Совмина РСФСР 5 ноября. Был сформирован ликвидационный комитет, деятельность которого завершилась 8 февраля 1950 г. Двери театра в центре города на улице Ленина захлопнулись. Решением облисполкома здание было передано под городской Дом пионеров и школьников. Однако председатель облисполкома Бенькович отдельно распорядился о передаче администрации

ДПШ на временное хранение основных сценических средств БирГОСЕТа. Видимо, у него были основания не исключать возможности восстановления театра в будущем.

После ликвидации Биробиджанского театра часть артистов - в основном, члены русской труппы, сформировали самодеятельный театральный коллектив, который распался в начале мая 1950 г. Область окончательно осталась без театра. 23 мая 1950 г. первый секретарь обкома Симонов направил официальное письмо председателю Совмина РСФСР Борису Черноусову:

Учитывая, что в ЕАО нет других театров, а театры Хабаровского края не обслуживают трудящихся области, областной комитет ВКП(б) считает целесообразным сохранение хозрасчетного театрального коллектива, созданного на базе ликвидированного государственного театра им. Л.М. Кагановича, и просит дать указание Комитету по делам искусств при Совете Министров РСФСР об оформлении хозрасчетного театрального коллектива в городе Биробиджане. Отсутствие юридического оформления затрудняет финансовую и организационную деятельность коллектива и ставит под угрозу его дальнейшее существование.

В тот же день Симонов обратился и к Маленкову с похожей, но более дерзкой просьбой:

Биробиджанский театр был ликвидирован распоряжением Совета Министров РСФСР. Обслуживание трудящихся области театрами Хабаровского края затруднено, так как транспортные расходы значительно превышают доходы от спектаклей. После ликвидации театра имени Л.М. Кагановича ни один театр ни в город Биробиджан, ни в районные центры области на гастроли не приезжал.

Задачи улучшения идеологической работы, интересы культурного развития Еврейской автономной области вызывают необходимость создания Государственного театра, который мог бы ставить спектакли на русском и еврейском языках. Этот театр сможет существовать как полноценный художественный коллектив при наличии на ближайшее время государственной дотации в размере 600.000 р. в год.

Учитывая необходимость существования Государственного театра Еврейской автономной области, а также и то, что в области сохранены ведущие творческие кадры и сценическо-постановочные средства бывшего театра им. Л.М. Кагановича, областной комитет ВКП(б) просит ЦК ВКП(б) принять решение о создании Государственного театра в Еврейской автономной области и выделении ему государственной дотации.

Документ этот по-своему уникален: спустя полгода после разгрома еврейской культуры в ЕАО и в стране в целом руководство области вновь поднимает вопрос об «интересах культурного развития» еврейской автономии. Причем, если в обращении в Совмин РСФСР речь идет об утверждении хозрасчетного театрального коллектива, то в письме в ЦК выясняется намерение возродить именно государственный театр, который будет ставить пьесы и на идише!

В это время в Хабаровске и Москве закончилось интенсивное следствие по «биробиджанскому делу». Обращение Симонова совпало с вынесением 31 мая 1950 г. в Хабаровске приговора биробиджанским еврейским литераторам Бузи Миллеру, Беру Слуцкому, Любе Вассерман, Гешлу Рабинкову, Исроэлю Эмиоту и артисту БирГОСЕТа Файвишу Аронесу, осужденным на 10 лет по обвинению в сионизме, буржуазном национализме и антисоветизме. В этой атмосфере расправы с еврейской культурой 26 июня Маленков поручает все тому же Кружкову лично разобраться в деле БирГОСЕТа.

Последний заблаговременно заручается мнением зампреда Комитета по делам искусств РСФСР В. Ефремова:

Нерентабельность театра в Биробиджане объясняется недостаточным количеством зрителя... Для привлечения зрителя театр практиковал постановку спектаклей на русском языке, имея в своем составе несколько русских актеров. Качество выпускаемых спектаклей было низким... Создание вновь театра в Биробиджане нецелесообразно, так как театр столкнется с теми же трудностями в работе и окупить свое существование не сможет... Для улучшения художественного обслуживания зрителей г. Биробиджана... дано указание Хабаровскому крайотделу по делам искусств о систематическом направлении театров Хабаровского края (драматического театра, театра юного зрителя, театра музыкальной комедии) и театра г. Комсомольска-на-Амуре в г. Биробиджан.

Повторяя старую версию о низком качестве спектаклей, Ефремов, однако, не уточнял, о каких спектаклях идет речь – о всех или только о тех, что на русском языке. Туманность его формулировки явно намеренная, поскольку он не мог не знать о положительном отзыве Кузнецовой за июль 1949 г. На всякий случай, Кружков запросил и мнение на более высоком уровне - от председателя Всесоюзного комитета по делам искусств Лебедева. Тот, в добавок к аргументам Ефимова, не только отказался от своей прежней позиции, но и постарался преувеличить сумму необходимой театру дотации:

Учитывая, что в Биробиджане нет достаточных контингентов зрителей для постоянной и бездотационной работы театра и что на содержание театра... потребовалась бы ежегодная дотация в сумме не менее миллиона рублей, Комитет по делам искусств при СМ СССР не считает возможным поддержать ходатайство о восстановлении театра. Наличная же сеть театров в Хабаровском крае позволяет систематическое обслуживание трудящихся Биробиджана путем гастролей.

На основании этих двух мнений Кружков и его заместитель П. Тарасов доложили 8 августа 1950 г. Маленкову о нецелесообразности поддержать просьбу Симонова.

Казалось бы, в истории БирГОСЕТа на этом можно было поставить точку. Однако менее чем через полгода, 1 февраля 1951 г. Симонов снова обратился в ЦК ВКП(б) на имя Маленкова с жалобой на то, что, несмотря на распоряжение Комитета по делам искусств РСФСР, «Хабаровский исполком отказал в организации регулярных гастролей краевых театров, в результате чего трудящиеся области в течение последних полутора лет лишены возможности культурного обслуживания». На этом основании Симонов вновь поднял уже было закрытый вопрос и попросил дотацию в размере 600 тысяч рублей в год на проект «нового театра в области с небольшим штатом актеров (20 человек)... Вновь созданный театр будет организован из двух трупп - еврейской и русской - и будет обслуживать все слои населения. Помещение бывшего театра и его оборудование сохранено».

То есть, Симонов предлагал некий компромиссный вариант - новый театр с небольшим штатом. Однако повторное обращение Симонова снова было отправлено в неподходящий момент: как раз несколькими днями ранее, 28 января 1951 г., был арестован бывший первый секретарь обкома ЕАО Бахмутский, ставший главным обвиняемым по инспирированному в Москве очередному витку «биробиджанского дела». На этот раз Симонов получил резкую отповедь со стороны краевых властей:

Возбуждать ходатайство перед правительством об организации в г. Биробиджане областного драматического театра считаем нецелесообразным, так как организовать бездотационную работу невозможно.

Считаем также невозможным направить в ЕАО на гастроли драматический театр и театр музыкальной комедии, так как эти театры не могут организовать безубыточную работу театров на гастролях.

Больше Симонов не поднимал вопроса о театре в ЕАО. Очевидно, ему стало известно, что «биробиджанское дело» набирает обороты. В апреле 1951 г. был арестован и бывший председатель облисполкома Левитин. Заключительный аккорд по этому делу прозвучал 20-23 февраля 1952 г. в Лефортовской тюрьме в Москве. На закрытом процессе перед военной коллегией Верховного суда СССР предстали Бахмутский, Левитин, Зильберштейн, бывшие секретарь обкома по пропаганде Зиновий Брохин, секретарь облисполкома Абрам Рутенберг, редактор «Биробиджанер штерн» Нохем Фридман, редактор «Биробиджанской звезды» Михаил Фрадкин и редактор альманаха «Биробиджан» Хаим Мальтинский.

Бахмутского приговорили к расстрелу, позже замененному 25 годами лагерей. Остальные проходившие по делу обвиняемые были осуждены на различные сроки тюремного заключения.

Симонова летом того же года сняли с должности.

Попытки Симонова восстановить в Биробиджане еврейский театр выглядят труднообъяснимыми и противоречивыми, тем более, что ранее он сам принимал участие в ликвидации еврейской культурной жизни в области. Можно предположить, что возрождением театра он намеревался заполнить создавшийся культурный вакуум, остро ощущавшийся в Биробиджане, и тем самым несколько успокоить население, потрясенное новой волной репрессий. Его предложение создать две труппы – русскую и еврейскую – объясняется скорее наличием именно еврейских актеров (часть из которых недостаточно хорошо владела русским языком), чем заботой о еврейской культуре. Это была и реальная возможность задействовать десятки оказавшихся без работы людей, обеспечив постоянное финансирование этого предприятия из госбюджета, что гораздо предпочтительнее самокупаемости.

Более вероятное объяснение, однако, скорее всего следует искать в неразберихе относительно планов Москвы по поводу будущего еврейской автономии. Сам факт сохранения ЕАО центральными властями толкал Симонова на какие-то шаги в области «культурного развития», как он сам отмечал в обращении к Маленкову в феврале 1950 г. Желание властей сохранить в еврейской области некоторые элементы национальной жизни он мог рассмотреть и в неутверждении своего предложения закрыть «Биробиджанер штерн». Подобным образом, видимо, рассуждали и другие функционеры - в частности, председатель Всесоюзного комитета по делам искусств Лебедев. Судьба БирГОСЕТа, исторически связанная с судьбой ЕАО (открытие театра было приурочено к провозглашению ЕАО в мае 1934 г), несомненно, и на этот раз виделась ими в контексте ее будущего. Создается впечатление, что ликвидация БирГОСЕТа первоначально не входила в планы по сворачиванию еврейской культурной деятельности в стране, а стала результатом противостояния различных бюрократических группировок во властных структурах последних лет сталинского правления.

По материалам книги «In Search of Milk and Honey: The Theater of 'Soviet Jewish Statehood', 1934-1949 (Bloomington, IN: Slavica Pub., 2009)»

Примечание:

[1] Эта и последующая информация почерпнута, в основном, из документов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 132, ед. хр. 239, 240 и др. и Госархива ЕАО, ф. 148, оп. 1, ед.хр. 23 и др. См. также Г. В. Костырченко, *Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм* (Москва, 2001); *Hateatron hayehudi bevrit hamo'atsot*, под ред. Мордехая Альтиулера (Иерусалим, 1996); *Stalin's Secret Pogrom: The Postwar Inquisition of the Jewish Anti-Fascist Committee*, ed. by J. Rubenstein and V. Naumov (New Haven & London, 2001); Д. Вайсерман, *Биробиджан: мечты и трагедия* (Хабаровск, 1999); В. Левитина, *Еврейский вопрос и советский театр* (Иерусалим, 2001); J. Veidlinger, *The Moscow State Yiddish Theater* (Bloomington IN, 2000) и др.